

«Noster est magis Caesar, a nostro deo constitutus»:
образ императора в христианской
апологетической литературе II–III вв.

В статье исследуются особенности образа императора в апологетических сочинениях II–III вв. Сам факт адресации апологий римским правителям, приписывание им христианских качеств и мыслей, переосмысление исторических решений римских властей в более позитивном для христиан ключе – все это формировало образ «христианского императора». Этот идеальный образ пока не мог соответствовать напряженным взаимоотношениям церкви и государства в рассматриваемый период. Однако в апологетической литературе конструируется модель желаемого будущего, в которой можно даже встретить вопрос о возможности появления императора из числа христиан (*Tert. Apol.* 21.24). Представление об императорской власти как о необходимом и важном элементе установленного свыше христианского миропорядка способствовало интеграции христиан в жизнь Римской империи и было частью стратегии выстраивания групповой идентичности.

Ключевые слова: апологетика, раннее христианство, римские императоры, II–III века, образ власти.

Христианство в первые два века своего существования претерпело значительные метаморфозы. В I в. н. э. представления христиан о мире наполнены эсхатологическими ожиданиями и проникнуты явным неприятием языческой Римской империи. Но время шло, а конец света не наступил, и Рим – «вавилонская блудница» – никуда не исчез. Во II–III вв. перед новой религией встает необходимость сформировать желаемый образ взаимоотношений новой религии с окружающим миром и с римскими властями, от

© Лебедев П.Н., 2017

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках гранта «Псевдоисторическая реальность» и модуся исторического нарратива в сочинениях греческих авторов II в. до н. э. – III в. н. э.» (проект № 17-31-01061).

позиции и решения которых зависело положение христиан в империи. Для христианства начинается эпоха активных поисков собственной идентичности и путей самоопределения в более широком культурном контексте античного мира. В этих условиях появляется апологетическая литература, т. е. сочинения, в которых христианские авторы защищают свои взгляды против обвинений и критики в адрес своей религии. Настоящая статья будет посвящена исследованию особенностей конструируемого в данных произведениях образа власти и конкретно – «христианизации» образа императора. Под этим предлагается понимать приписывание христианских качеств и мыслей, рассказы о прохристианских симпатиях отдельных императоров, включение фигуры императора в христианский контекст и т. д.

В церковной историографии IV в. н. э. были заложены основания для восприятия апологий второй половины II в. н. э. как прошений, непосредственно переданных в руки конкретным императорам. Евсевий Кесарийский называет апологиями только произведения, адресованные римским властям: сочинения Квадрата и Аристида – императору Адриану (*Eus. Hist. Eccl.* 4.3.1–3), Иустина – Антонину Пию (*Ibid.* 2.13.2; 4.8.3, 11.11, 16.1, 18.2), Аполлинария и Мелитона – Марку Аврелию (*Ibid.* 4.13.8, 26.1, 27.1), Тертуллиана – римскому Сенату (*Ibid.* 3.33.3; 5.5.5). В современной историографии понятие «апологетика» трактуется более широко, а относительно его смысловых границ существуют разногласия¹. Излагать в настоящей статье содержание этих дискуссий представляется нецелесообразным, так как сосредоточиться хотелось бы именно на упомянутых выше сочинениях, адресованных римской власти. Сохранившимися произведениями такого рода являются: «Апология» Аристида Афинского, «Предстательство за христиан» Афинагора Афинского, I и II апологии Иустина Философа, сохранившаяся в пересказе Евсевия Кесарийского апология Мелитона из Сард, «Апологетик» и «К Скапуле» Тертуллиана.

Вопрос о формальном адресате и предполагаемой читательской аудитории указанных выше произведений вызывает большие противоречия среди исследователей. Значительная группа авторов считает реальной возможностью фактической передачи апологий заявленным в них адресатам, признавая при этом возможность распространения этих сочинений и среди более широкой языческой аудитории². Другая часть историков предполагает, что адресация произведений императорам является только литературной фикцией и риторическим приемом, призванным расположить читателей к более легкому восприятию содержания апологий³. В последние

десятилетия в историографии обретает всё большую популярность гипотеза о том, что основная целевая аудитория апологетики находилась не вне, а внутри христианских общин, так что основными читателями были представители христианских общин, а вовсе не императоры и римляне-язычники⁴.

Следует признать, что принять какое-либо окончательное решение по вопросу о реальном адресате апологетики на текущий момент не представляется возможным. Наиболее правдоподобной будет гипотеза о том, что апологии могли циркулировать как в среде христианских общин, так и среди языческого населения⁵. Христиане жили не в социальном вакууме, но находились в кругу семьи, друзей, соседей и коллег по работе, так что не следует недооценивать степень их интеграции в повседневную жизнь античного общества и пытаться провести глубокие границы между аудиториями. В контексте настоящей статьи ключевое значение имеет только то обстоятельство, что апологии были созданы яркими представителями христианской интеллектуальной элиты и в ряде случаев были формально адресованы императорам и представителям римской власти в провинциях.

Образ и фигура императора занимали центральное структурообразующее место в системе взаимоотношений человека и государственной власти в Римской империи. Начиная со времени правления Адриана (117–138) переписка главы центральной власти с гражданским населением провинций становится важнейшим каналом коммуникации и одним из ключевых элементов управления средиземноморской империей⁶. Во II в. к императорам поступало множество письменных прошений (*libelli*) как от локальных сообществ, так и от частных лиц. Тот факт, что христианские авторы встраиваются в общий хор обращений к императорам, не следует рассматривать как незначительную деталь. Это демонстрация того, что христиане могут и считают правильным обращаться к представителям римской власти как высшим арбитрам, общим для всех в империи⁷.

Даже если адресация апологий императорам является литературной фикцией, то в любом случае речь идет о сознательном выборе литературной формы, которая должна была влиять на восприятие читателей. Появление подобных произведений является признаком того, что христианство уверенно вышло из катакомб на широкую социально-политическую сцену. Адресация апологий римскому императору становилась частью стратегии конструирования христианской идентичности, так как помещала ее авторов и представляемую ими религиозную группу в контекст сложившейся

ся системы отношений между императором как всеобщим патроном и населением империи.

Не менее важным обстоятельством представляется то, что апологеты обращаются к своим адресатам как к философам. Иустин, обращаясь в своей «I Апологии» к Антонину Пию и его сыновьям, называет императорскую семью «философами, блюстителями справедливости и почитателями учености» (φιλόσοφοι καὶ φύλακες δικαιοσύνης καὶ ἐρασταὶ παιδείας; *Iust. I Apol. 2.2*)⁸. Афинагор Афинский также излагает свою защитительную речь императорам Марку Аврелию и Коммоду «прежде всего как философам» (τὸ δὲ μέγιστον φιλόσοφοις; *Athen. Leg. 1*)⁹. Аналогичную черту подчеркивает в своем адресате и епископ Мелитон из Сард, когда пишет о человеколюбии Марка Аврелия и его любви к философии: «ты и более человеколюбив, и более предан философии [чем твой отец]» (καὶ πολὺ γὰρ φιλανθρώποτέραν καὶ φιλοσοφωτέραν; *Eus. Hist. Eccl. IV.26.11*).

Безусловно, существенную роль в объяснении этой общей тенденции в сочинениях греческих апологетов II в. играет хорошо известное увлечение Марка Аврелия философией, в целом характерная для династии Антонинов любовь к греческой культуре и жанровая специфика сочинений. Однако важно обратить внимание и на то, что одной из стратегий защиты и саморепрезентации христианства во II в. н. э. было уподобление своего учения философской школе и представление его в ряду традиционных философских направлений античности¹⁰. Эта особенность наиболее заметна в апологии Мелитона, который прямо называет христианство словом «φιλοσοφία» и надеется, что император будет хранить «философию, которая возросла вместе с империей и получила начало с царствованием Августа» (φυλάσσων τῆς βασιλείας τὴν σύντροφον καὶ συναρξαιμένην Αὐγούστῳ φιλοσοφίαν, *Eus. Hist. Eccl., IV.26.7*; пер. М.Е. Сергеенко). Таким образом, представление об императорах как философам, к которым христианские интеллектуалы могут обратиться с изложением ученых рассуждений о сути христианского учения, соответствует популярному в христианстве этого времени варианту самоопределения и не может быть объяснено лишь требованиями жанра.

Примечательной особенностью рассматриваемых апологий является то, что важное место в них занимает обоснование политической благонадежности христианства. Этот сюжет мог быть равно значимым как для убеждения римлян-язычников в безобидности новой религии для социального порядка, так и для укрепления самих христиан в готовности идти на какие-то компромиссы в условиях повседневной жизни римского мира. Для христиан II–III вв.

отказ от компромиссов во взаимоотношениях с римской властью, как известно, мог закончиться мученической смертью.

Апологеты в своих сочинениях цитируют фрагменты священных текстов, соответствующие по духу основополагающему тезису апостола Павла: «...нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Рим 13:1). Например, Тертуллиан приводит в «Апологетике» слова из послания апостола Павла к Тимофею (1 Тим 2:2), в которых содержится призыв молиться за «царей, за начальников и власти» (*Tert. Apol.* 31.3). Иустин пересказывает в «I Апологии» известную евангельскую историю про вопрос фарисеев к Христу, завершающуюся принципом «кесарю кесарево и Божие Богу» (*Iust. I Apol.* 17.2). Афинагор Афинский пишет, что императоры получили свою власть свыше и цитирует Книгу Притчей: «душа царя в руке Божией» (Притч 21:1; *Athen. Leg.* 18). Во всех приведенных выше примерах авторы прямо указывают на то, что они цитируют священные для христиан тексты. Вероятно, это должно было придать убедительности рассуждениям о политической лояльности христиан и, равно как и в предыдущем случае, могло работать в обе стороны: как для подкрепления своих рассуждений перед лицом внешнего читателя, так и для убеждения самих христиан в правильности подобной позиции. Таким образом, исключительная позиция императора в христианской модели общественного устройства подкрепляется в апологетике ссылками на наиболее авторитетные для христиан источники.

Вопрос о взаимоотношениях христианства с римскими властями достаточно хорошо изучен в историографии, так что останавливаться на этом подробно в настоящей статье будет излишним¹¹. Отметим только некоторые особенности того, как в апологетике происходит «христианизация» образа императора. Вполне естественно, что в прошениях о справедливости постоянно подчеркивается гуманность и рассудительность тех, к кому авторы обращаются за защитой (*Iust. I Apol.* 12.5; *Athen. Leg.* 1, 18; *Eus. Hist. Eccl.* IV. 26.11; *Tert. Apol.* 5.5–7). Однако апологеты этим не ограничиваются.

Показательны в этом отношении два места в «Предстательстве за христиан» Афинагора Афинского, в которых в одном случае соотношение между миром и сотворившим его Богом поясняется на примере отношения подданных к императорскому дворцу и самому императору (*Athen. Leg.* 16). В другом же случае читателю предлагается прямо сопоставить власть Бога и власть императора: «Подобно тому (ὥς), как у вас отцу и сыну все покорны, ибо царская власть дана вам свыше... точно так же (οὐτως) единственному

Богу и Слову Его, нераздельно мыслимому Сыну все подчинено» (*Athen. Leg.* 18; пер. А.В. Муравьева). Это, конечно, риторические приемы, но повторное использование подобных сравнений формирует определенную модель восприятия и показывает направление мысли христианского интеллектуала второй половины II в. н. э.

Гораздо дальше границы возможного раздвигает яркий христианский мыслитель и апологет Тертуллиан. Данный автор легко может написать, что «[императоры] знают, что Я дал им власть» (*sciunt, quis illis dederit imperium*), «чувствуют, что Он – единственный Бог, в чьей власти они пребывают» (*sentiunt eum esse deum, solum, in cuius solius potestate sint*), «постигают Бога» (*deum intellegunt*) и т. д. (*Tert. Apol.* 30.1–2; пер. А.Ю. Братухина). В «Апологетике» также встречается фраза, ставшая частью заглавия настоящей статьи: «Я с полным основанием мог бы сказать: “император больше наш, чем ваш, так как он поставлен нашим Богом”» (*ut merito dixerim: «Noster est magis Caesar, a nostro deo constitutus»*) (*Tert. Apol.* 33.1)). Император, как и у Афинагора, показательно оказывается в одном ряду с Богом, и оба они могут рассматриваться для христианского автора как «наши» (*noster*).

Действительно, христианские авторы словно «присваивают» себе фигуру принцепса, что хорошо заметно в рассказах о симпатиях к христианству со стороны отдельных императоров. Вслед за римской традицией в апологетике прохристиански настроенными императорами оказываются положительные персонажи римской истории, а в число гонителей записываются «плохие». Мелитон из Сард и Тертуллиан единодушно обвиняют в преследовании христиан Нерона и Домициана (*Eus. Hist. Eccl.* 4.26.9; *Tert. Apol.* 5.3–4, *Ad Nat.* 1.7), а Тертуллиан затем еще и восклицает: «из стольких последующих принцепсов вплоть до нынешнего... укажите хоть одного, кто преследовал бы христиан» (*Tert. Apol.* 5.5). Мелитон из Сард также пишет, что сложившийся из-за «плохих» императоров «нелепый обычай» (*ἀλόγῳ συνηθείᾳ*) в отношении христиан «пытались исправить» (*ἐπληρωθῶσαντο*) «благочестивые предки» Марка Аврелия (*οἱ σοὶ εὐσεβεῖς πατέρες*): Адриан и Антонин Пий (*Eus. Hist. Eccl.*, IV.26.10). Адриана положительно выделяет в своей апологии также Иустин Философ, представляющий этого императора защитником христиан (*Iust. I Apol.* 68). При этом, как известно, во II–III вв. сам факт принадлежности к христианству уже считался в римском суде достаточным основанием для казни, и ни один из императоров этой практики не отменил¹².

Ряд аналогичных примеров конструирования христианского варианта истории взаимоотношений церкви с императорской вла-

стью можно обнаружить в «Апологетике» Тертуллиана¹³. В указанном сочинении встречается наиболее яркая и впечатляющая реплика о возможности существования христианского императора: «да и императоры могли бы поверить в Христа, не будь они необходимы миру или если бы и христиане могли быть императорами» (*sed et Caesares credidissent super Christo, si aut Caesares non essent necessarii saeculo, aut si et Christiani potuissent esse Caesares; Tert. Apol. 21.24*). В приведенном высказывании используется особый вид условного придаточного предложения – *casus irrealis*, когда подразумевается, что говорящий рассматривает как условие, так и следствие из него невозможными и неисполнимыми. Однако при этом следует заметить, что Тертуллиан едва ли не первым из христианских авторов ставит вопрос о возможности христианина стать императором. Хотя ответ на этот вопрос пока является отрицательным и формулируется в виде *casus irrealis*, тем не менее само появление подобной мысли в литературном произведении говорит о расширении границ возможного и допустимого для христианского интеллектуала в конце II – начале III в.

Конечно, внимание современного историка это место из апологии Тертуллиана привлекает в силу искушения провести прямую линию между *casus irrealis* в вышеприведенном предложении конца II в. и вполне реальным принятием христианства императором Константином в начале IV в. Так или иначе, эти события разделяют всего 100 с небольшим лет. Образ симпатизирующих христианам императоров, к которым наравне со всеми остальными жителями империи можно обратиться с прошением и рассчитывать быть услышанными, в творчестве апологетов II–III вв. предвосхищает реальность и прокладывает символический путь для будущего союза церкви и светской власти. Конструирование образа христианского императора являлось для христианских интеллектуалов одним из способов выстраивания групповой идентичности и интеграции в социокультурное пространство Римской империи.

Примечания

- ¹ См., например: *Jacobsen A.-C. Apologetics and Apologies – Some Definitions // Continuity and Discontinuity in Early Christian Apologetics / Ed. by J. Ulrich, A.-C. Jacobsen, M. Kahlos. Frankfurt a/M.: Peter Lang, 2009. P. 5–21.*
- ² *Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви: В 4 т. Т. 2. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910. С. 165–166; Керн К.Э. (архим. Киприан). Патрология. Т. 1. М.; Париж: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского ин-та, 1996.*

- С. 143–145; *Вдовиченко А.В.* Христианская апология: Краткий обзор традиции // Раннехристианские апологеты II–IV вв.: Переводы и исследования. М.: Ладомир, 2000. С. 5, 22, 27, 29; *Муравьев А.В.* «Этот муж проповедовал христианство, сохраняя мантию философа...» // Там же. С. 41–42; *Братухин А.Ю.* Рождение стиля христианской литературы (Климент Александрийский и Тертуллиан): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2016. С. 16; *Fiedrowicz M.* Apologie im frühen Christentum. Die Kontroverse um den christlichen Wahrheitsanspruch in den ersten Jahrhunderten. Paderborn: Schöningh, 2001. S. 15; Justin, Philosopher and Martyr: Apologies / Ed. by D. Minns, P. Parvis, Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. P. 45–46; *Ulrich J.* Apologists and apologetics in the second century // In Defence of Christianity: Early Christian Apologists / Ed. by J. Engberg, A.-C. Jacobsen, J. Ulrich. Frankfurt a/M.: Peter Lang, 2014. P. 30.
- ³ См., например: *MacMullen R.* Christianizing the Roman Empire (A.D. 100–400). New Haven, L.: Yale Univ. Press, 1984. P. 20–21; *Buck P.L.* Athenagoras's Embassy. A Literary Fiction // Harvard Theological Review. 1996. Vol. 89. P. 209–226; *Idem.* Second-century Greek Christian apologies addressed to emperors: Their form and function. PhD thesis, Univ. of Ottawa. Ottawa, 1998. P. 240.
- ⁴ См., например: *Benko S.* Pagan Rome and the Early Christians. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1984. P. 42; *MacMullen R.* Op. cit. P. 21; *Edwards M. et al.* Introduction: Apologetics in the Roman World // Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews, and Christians / Ed. by M. Edwards, M. Goodman, S. Price. Oxford: Clarendon Press, 1999. P. 8–9; *Kannaday W.C.* Apologetic Discourse and the Scribal Tradition. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2004. P. 35; *Jacobsen A.-C.* Op. cit. P. 13–17.
- ⁵ *Pattison S.E.* A Study of the Apologetic Function of the Summaries of Acts. PhD thesis, Emory Univ. Atlanta, GA, 1990. P. 392; *Gamble H.Y.* Books and Readers in the Early Church. A History of Early Christian Texts. New Haven: Yale Univ. Press, 1995. P. 112–113; *Rhee H.* Early Christian Literature: Christ and Culture in the Second and Third Centuries. N.Y.: Routledge, 2005. P. 28; *Rankin D.* From Clement to Origen: The Social and Historical Context of the Church Fathers. Aldershot, Burlington, VT: Ashgate, 2006. P. 44; *Wilhite D.E.* Tertullian the African: An Anthropological Reading of Tertullian's Context and Identities. Berlin: Walter de Gruyter, 2007. P. 62–63; *Jacobsen A.-C.* Op. cit. P. 9.
- ⁶ *Cortés-Copete J.M.* Governing by Dispatching Letters. The Hadrianic Chancellery // Political Communication in the Roman World / Ed. by C. Rosillo-Lopez. Leiden, Boston: Brill, 2017. P. 112–113, 115, 133–134.
- ⁷ «Мы обратились к вам не с тем, чтобы льстить вам... но требовать, чтобы вы судили нас по строгому и тщательному исследованию» (Iust. I Apol. 2.3; пер. П.А. Преображенского); «все подданные Империи наслаждаются безмятежным миром благодаря вашей просвещенности. Мы же, называемые христианами, обойдены вашей заботой» (Athen. Leg. 1; пер. А.В. Муравьева). См. также: *Nasrallah L.S.* Christian Responses to Roman Art and Architecture. The Second-

century Church amid the Spaces of Empire. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 28.

⁸ См. также: Iust. I Apol. 1.1, 12.5, II Apol. 2.1.

⁹ См. также: Athen. Leg. 2, 6, 7, 9, 11.

¹⁰ *Пантелеев А.Д.* Самоопределение христианства как философского течения // Жебелевские чтения—II: Тезисы докладов научной конференции 26–27 октября 1999 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 73–76; *Сидоров А.И.* Христианство как философия или любомудрие по Христу по свидетельству греческих отцов Церкви и церковных писателей II–VIII вв. // Анастасий Синаит. Избранные творения. М.: Паломник, 2003. С. 459–476; *Mason S.N.* Philosophia: Graeco-Roman, Judean and Christian // Voluntary Associations in the Graeco-Roman World / Ed. by J.S. Kloppenborg, S.G. Wilson. L.: Routledge, 1996. P. 33; Justin, Philosopher and Martyr... P. 60; *Karamanolis G.* The Philosophy of Early Christianity. Durham: Acumen, 2013. P. 2–3, 237–240; *Malherbe A.J.* Light from the Gentiles: Hellenistic Philosophy and Early Christianity. Collected essays, 1959–2012: In 2 vols. / Ed. by C.R. Holladay et al. Leiden, Boston: Brill, 2014. P. 781.

¹¹ См., например: *Свенцицкая И.С.* Первые христиане и Римская империя. М.: Вече, 2003; *Пантелеев А.Д.* Христианство в Римской империи во II–III вв.: К проблеме взаимоотношений новых религиозных течений и традиционного общества и государства: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004; *MacMullen R.* Christianizing the Roman Empire (A.D. 100–400). New Haven, L.: Yale Univ. Press, 1984; *Brent A.* A Political History of Early Christianity. L.: T&T Clark, 2009; *Cook J.G.* Roman Attitudes Toward the Christians. From Claudius to Hadrian. Tübingen: Mohr Siebeck, 2010.

¹² См., например: Plin. Ep. 10.97. Подробнее см.: *Croix G.E.M., de Sainte.* Why were the Early Christians Persecuted? // Past and Present. 1963. Vol. 26. 6–38.

¹³ См., например: Tert. Apol. 5.2–7.